

Москва. Котусомолец — 1998 —
9 Дек. — с. 5

КРУГ, ЧТО БОГИ ОЧЕРТИЛИ НАМ

Глава из Нобелевской лекции

На эту кафедру, с которой прочитывается Нобелевская лекция, кафедру, предоставляемую далеко не всякому писателю и только раз в жизни, я поднялся не по трем-четырем примощенным ступенькам, но по сотням или даже тысячам их — неуступным, обрывистым, обмерзлым, из тьмы и холода, где было мне суждено уцелеть, а другие — может быть, с большим даром, сильнее меня, — погибли. Из них лишь некоторых встречал я сам на Архипелаге ГУЛаге, рассыпанном на дробное множество островов, да под жерновом слежки и недоверия не со всяким разговорился, об иных только слышал, о третьих только догадывался. Те, кто канул в ту пропасть уже с литературным именем, хотя бы известны, — но сколько не узнавших, ни разу публично не названных! и почти-почти никому не удалось вернуться. Целая национальная литература осталась там, погребенная не только без гроба, но даже без нижнего белья, голая, с биркой на пальце ноги. Ни на миг не прерывалась русская литература! — а со стороны казалась пустыней. Где мог бы расти дружный лес, осталось после всех лесоповалов два-три случайно обойденных дерева.

И мне сегодня, сопровождаемому тенями павших, и со склоненной головой пропуская вперед себя на это место других, достойных ранее, мне сегодня — как угадать и выразить, что хотели бы сказать они?

Эта обязанность давно тяготела на нас, и мы ее понимали. Словами Владимира Соловьева:

Но и в цепях должны свершить мы сами
Тот круг, что боги очертили нам.

В томительных лагерных переброях, в колонне заключенных, во мгле вечерних морозов с просвечивающими цепочками фонарей — не раз подступало нам в горло, что хотелось бы выкрикнуть на целый мир, если бы мир мог услышать кого-нибудь из нас. Тогда казалось это очень ясно: что скажет наш удачливый посланец — и как сразу отзывно откликнется мир. Ответливо был наполнен наш кругозор и телесными предметами и душевными движениями, и в недвоящемся мире им не виделось переверса. Те мысли пришли не из книг и не заимствованы для складности: в тюремных камерах и у лесных костров они сложились в разговорах с людьми, теперь умершими, то ю жизнью проверены, о т т у д а выросли.

Когда ж послабилось внешнее давление — расширился мой и наш кругозор, и постепенно, хотя бы в щелочку, увиделись и узнались тот "весь мир" и поразительно для нас оказался "весь мир" совсем не таким, как мы ожидали, как мы надеялись: "не тем" живущий, "не туда" идущий, на боковую топь восклицавший: "Что за очаровательная лужайка!", на бетонные шейные колодки: "Какое утонченное ожерелье!", а где катятся у одних неотирные слезы, там другие приплясывают беспечному мюзикалу.

Как же это случилось? Отчего же сгнула эта пропасть? Бесчувственны были мы? Бесчувствен ли мир? Или это — от разницы языков? Отчего не всякую внятную речь люди способны расслышать друг от друга? Слова отзвучивают и утекают как вода — без вкуса, без цвета, без запаха. Без следа.

По мере того как я это понимал, менялся и менялся с годами состав, смысл и тон моей возможной речи. Моей сегодняшней речи.

И уже мало она похожа на ту, первоначально задуманную в морозные лагерные вечера.

ВЯЗОВОЕ БРЕВНО

Мы пилили дрова, взяли вязовое бревно — и вскрикнули: с тех пор, как ствол в прошлом году срезали, и таскали трактором, и распиливали его на части, и кидали в баржи и кузова, и накатывали в штабели, и сваливали на землю — а вязовое бревно не сдалось! Оно пустило из себя свежий зеленый росток — целый будущий вяз или ветку густо шумящую.

Уж бревно положили мы на козлы, как на плаху, но не решились врезаться в шею пилой: как же пилить его? Ведь оно тоже жить хочет! Ведь вот как оно хочет жить — больше нас!

Александр
Солженицын:
"Если бы
я мог услышать..."

ЮБИЛЕЙ

Дмитрий ЛИХАЧЕВ: "МУЧЕНИК И ГЕРОЙ"

Александр Исаевич — настоящий русский писатель, мученик и герой. Это было типично для русских писателей всегда — не только для Аввакума, но и для всех последующих русских писателей, в той или иной степени. Его героизм и одновременно мученичество настраивают в сущности на оптимистичный лад: я верю в то, что героические усилия, которые делает русская литература, чтобы нашей стране вырваться из объятий преступлений, равнодушия и пустословия, приведут к успеху. От души поздравляю великого русского писателя Александра Исаевича Солженицына с его днем рождения.

Юрий ЛЮБИМОВ: "УДИВИТЕЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК!"

В Театре на Таганке Юрий Любимов 11 ноября показывает премьеру "Шарашка", посвятив ее 80-летию Александра Исаевича Солженицына. Играется спектакль не только о прошлом — он о времени смуты, когда людьми овладевает отчаяние, он о человеческом сопротивлении.

— Спектаклем я стараюсь выразить свое уважение и уважение нашего театра Александру Исаевичу. Театр наш тоже многострадальный, конечно, наши страдания несопоставимы с его удивительной судьбой. Он преодолел страшную болезнь и волей своей заставил себя жить. Солженицын прошел все круги ада. Сейчас общество захватывают волны цинизма, опустошения, апатии. Мы только и умеем, что поливать друг друга грязью. И это так горько. В часы, дни, годы смуты люди, к сожалению, перестали прислушиваться к голосу даже такого уникального человека, как Александр Исаевич. Написал он книгу "Обвал" и предупреждал. Вот теперь каждый на своей шкуре испытал этот обвал. Если бы почитали да прислушались в свое время к голосу провидца! Во многих случаях он опережал всех — и политиков, и "мудрецов" от политики, и с Чечней предупреждал: не дай Бог нам ввязаться в это. Коммунистическое владычество, безусловно, стирало наши личности и подвинуло нашу психику в очень темные коридоры. А вот как нам выбираться из этих лабиринтов? Сперва бы надо очухаться, оглядеться. А ведь еще и не очухались, еще подвержены этой бацилле безумной утопии, которая за всю тысячелетнюю историю никому никакого добра не принесла. Но эти коммунистические идеи, как оборотни, ползают и увлекают по-прежнему незрелых людей, людей со слабой волей, авантюристов, кто без труда хочет залезть в дамки. Это очень опасно. А за ними еще миллионы следуют, готовые бунтовать, орать, драться, убивать.

До того мы пропитаны, как губка, кровавой политикой. Казалось бы, вымылись мы в крови, умылись сверху донизу кровью. Останетесь же. Нет. Мало нам. Мы даже не создаем своей вины. Немцы осознали свое пятно грязно-коричневое, а мы по-прежнему нагло хвалимся. Нам бы помолчать да задуматься. Да Солженицын внимательно почитать.

— Александр Исаевич приходил к вам на репетиции?

— Нет. Слава Богу, он мне доверился, надеется, что я как-то не подведу его надежду.

— А кто сценарий написал?

— Он мне сказал: "Сами делайте". Я написал композицию по роману "В круге первом". Музыка Владимира Мартынова, художник Давид Боровский.

— Ваши богатые ассоциации на этот раз далеко вас увели?

— К Данте. Все это круги ада. Для обозначения абсурдной действительности наши эстрадные придумали тонкую фразу: "Мы рождены, чтоб Кафку сделать былью". Да куда Кафке! Отстал от нас. Тут мы по своему абсурдизму всех превозшли и переиграли. Роман большой, но я постараюсь

не утомить публику. В два часа уложусь. При встрече Александр Исаевич начертил мне план шарашки, а я похвалился, что у меня хранится его приглашение на вручение Нобелевской премии в Москве с вычерченным его рукой планом, как найти квартиру, как через двор пройти. Но награждение в Москве не состоялось.

— А план, как разыскать его в Вермонте, он вам не рисовал?

— Рисовал. Я был у него. С восторгом и горячностью Александр Исаевич показывал мне прекрасные условия для работы: стол 10 метров длины, а на нем тексты, тексты, документы, чтобы уже утром сразу сесть и писать, творить, творить. Удивительный человек! Удивительные времена — и горькие, и терпкие. Разбросало нас, а возвраты всегда тяжелы.

Никита СТРУВЕ: "ОН ОТМЕЧЕН САМИМ ПРОВИДЕНИЕМ"

Профессор парижского университета Нантер, автор ряда книг, в том числе "Православие и культура", Никита Струве все 20 лет пребывания Солженицына за рубежом поддерживал с ним живую связь, они встречались и в Париже, и в Вермонте, где даже играли в теннис. Вместе ездили в Вандею, в местечко Сен-Жиль-Сюр-Ви, открывать памятник Марине Цветаевой у моря, на песчаных дюнах. Наш звонок в Париж застал Никиту Струве в издательстве накануне его отъезда в Киев-Печерскую лавру.

— Никита Алексеевич, что, на ваш взгляд, составляет самую сильную сторону творчества Солженицына?

— Я думаю, самая сильная сторона творчества Солженицына определилась его личным и историческим опытом: путь через унижение, через лишение его всех земных радостей, уготованный Александру Исаевичу советской властью, привел его к истинному бытию. Мне кажется, эта тема лежит в основе всех его произведений, и потому делает творчество Солженицына бессмертным на долгие времена.

— Из парижского далека, наверное, не сколько по-иному видится фигура патриарха русской литературы на фоне мировой словесности?

— Из парижского далека перспектива остается та же. Несомненно, Александр Исаевич Солженицын — самое крупное литературное явление второй половины двадцатого века в мировом масштабе. Он писатель, отмеченный самим провидением.

— Что вы могли бы сказать о характере, о темпераменте Александра Исаевича?

— Самоограничение Александра Исаевича поражает. Он наделен удивительной волей, которая, может быть, не встречалась до него в русской литературе. Эта воля сопряжена с чувством, что не он творит свою судьбу, а кто-то стоящий неизмеримо выше его. Сейчас это особенно ощутимо: с одной стороны, он целиком вовлечен во все земное, но одновременно взгляд его устремлен и на горние выси. В Москве он себя чувствует очень хорошо. Я видел его, когда он отвечал на вопросы французского телевидения. Александр Исаевич был исключительно радушен и доступен. Французы пришли в восторг, поражаясь его исключительной непосредственности. До этой встречи для многих он оставался мифом. И вдруг такая простота и радушие.

— И обаятельнейшая Наталья Дмитриевна...

— Александр Исаевич с Натальей Дмитриевной составляют прекрасную, редко встречающуюся пару. У них талантливые дети, они срослись в совместной грандиозной работе. При подготовке собрания сочинений Солженицына Наталья Дмитриевна была и критиком, и редактором, и наборщицей текстов, и корректором.

— Ваши пожелания Александру Исаевичу и его соотечественникам.

Страницу подготовила

Наталья ДАРДЫКИНА

— В интервью он сам себе пожелал прожить достаточно долго, чтобы увидеть Россию поднимающейся. Желание исполнимое и достойное, хотя выход России из коммунизма, конечно, чрезвычайно труден и чреват безобразиями и спотыками. Но ведь все-таки надо выйти из нравственного пленения и полного экономического безумия.

Олег ПАВЛОВ: "СТРАННАЯ ЭСТАФЕТА"

Однажды в библиотеке-фонде "Русское зарубежье", где проходило чествование первого лауреата премии Солженицына академика Владимира Топорова, Александр Исаевич заставил литературную публику испытать давно утраченный эмоциональный подъем. Его речь во славу лауреата была произнесена с импровизационной легкостью и артистизмом. Пока публика поднимала бокалы и наслаждалась морскими дарами бразилских поваров, патриарх русской словесности был увлечен беседой с высоким молодым человеком: они стояли очень близко, глаза в глаза, словно сто лет знали друг друга. Молодого человека еще не все знали в лицо. Это был Олег Павлов, автор романов, дважды выдвигавшихся на соискание "Букера".

— Наши истории фантастическим образом пересеклись. Когда я в 89-м году попал в армию в конвойные войска, нам предложили хитрую анкету. На вопрос "Вы читали Солженицына?" я честно ответил: "Не читал". Негде было прочесть — его не издавали, но усиленно внушали, что он антисоветчик. Это меня не отталкивало, поскольку я с 14 лет слушал "Свободу", хотя мой дед был генералом КГБ. Военные решили: раз я не читал Солженицына, значит, не стану сочувствовать заключенным, и меня отправили в самую глушь, в Карлаг, знаменитый пересыльный Карагинский лагерь "Карлсон". Увиденное и пережитое дали материал для моей прозы — я написал роман "Казенная сказка". Только позже, в 90-е годы, я прочитал "Архипелаг ГУЛАГ", и Солженицын просветил мои мозги. Там я нашел строки о Карлаге. Об этом мы говорили с Александром Исаевичем. Я испытал истинное потрясение, узнав, что он прочитал "Казенную сказку". Странная получилась эстафета. И как человек высочайшего мужества, и как художник Солженицын достоин всеобщего уважения. Считаю его новатором русской прозы. Несомненно художественную ценность имеет все написанное им. Он заявил в русской литературе совершенно новые формы и оправдал их существование своим творчеством. Возьмем "ГУЛАГ". Это невиданная эпическая форма. Романы Солженицына совершенно иные по форме и по стилю, чем классические. В "Одном дне Ивана Денисовича" Солженицын использовал жанр рассказа, терявший свою былую силу. И какая неожиданная мощь обнаружилась в коротком повествовании! Новаторство Солженицына в русской прозе нам предстоит еще постигать.

— Что вы испытывали, когда всемирно знаменитый писатель, лауреат Нобелевской и ряда других международных премий, почтил вас своим вниманием?

— Я очень волновался. Александр Исаевич оказался проще и доступнее, чем можно было ожидать от "вермонтского отшельника", каким его изображали газетчики. Он искренне радуется чужому таланту. Солженицын находится на таких вершинах человеческого духа, и тем не менее интересуется всем, ему все важно. Он не божок, не идол — живой писатель. Александр Исаевич как ребенок, у него сохранилась детская непосредственность. Он воспринимает мир с какой-то молодой жаждностью. Глядя на него, понимаешь, что жизнь безмерна. С его опытом, с его возрастом, казалось бы, можно прийти к мнению, что достиг высот и понял все в этой жизни. А он не перестает удивляться. Имея такой пример, хочется жить и радоваться. И появляется надежда — жизнь имеет смысл.